

российских и буддийских учёных о природе сознания».

Интересный материал собран и осмыслен в двух заключительных главах книги – IX и X, в которых речь идёт о взаимосвязанных проблемах: соотношение человека и общества и соотношение индивидуализма и коллективизма. Необходимость обратиться к этим проблемам М.Т. Степанянц объясняет так: «Пришло время заново осознать смысл человеческого бытия, задуматься над тем, что значит жить по-человечески» (с. 114). Полностью согласна! Но «жить по-человечески» невозможно без опоры на моральные нормы. Какие именно? Автор показывает, что одни мыслители выступают за возвращение к традиционным нормам морали, тогда как другие настаивают на том, что «раскрепощённый разум» освобождает людей от традиций, и ратуют за «глобальный этос» (с. 127). И дальше автор воспроизводит дискуссии по поводу «глобального этоса», объясняя скептическое отношение к нему тем, что его выработка «в настоящее время происходит на фундаменте либерального, секулярного мировоззрения» (с. 129). Можно ли согласиться с этим доводом?

Хотелось бы выделить два момента, заслуживающих внимания. Во-первых, «либеральный» и «секулярный» написаны через запятую и как будто бы предполагают друг друга. Относительно «либерального», возможно, это верно, но обязательно ли обратное соотношение? На с. 130 справедливо поставлена под сомнение правомерность отождествления традиционных ценностей с религиозными. В таком случае «секулярность» вовсе не обязательно отрицает «традиционность». Во-вторых, является ли либерализм единственно возможной основой для глобального этоса? Если мы признаём, что нынешний либерализм зашёл в тупик и ведёт туда же глобализирующееся человечество, то разумно предположить, что глобальный этос сегодня пока невозможен. Почва для него не подготовлена. Он понадобится для регулирования межкультурного взаимодействия, к которому мы стремимся, но которого пока нет. Пока речь может идти только о создании нового межкультурного бытия вместе с соответствующим этосом. Полагаю, что вопрос о глобальном этосе

следовало бы проговорить более чётко, поскольку он созвучен теме книги.

Хочется отметить проведённое автором сопоставление позиций двух представителей разных философских традиций: китайского мыслителя В. Ту и американского философа Р. Эймса (см. с. 143). Правда, вывод о «реальном существовании и развитии межкультурной философии», – вывод, сделанный автором на основе проведённого сопоставления, кажется немного преждевременным, поскольку сопоставление проведено автором книги, а не самими представителями сравниваемых позиций. Пожалуй, точнее было бы сказать, что некоторые современные философы, в число которых входит и М.Т. Степанянц, осознали перспективность межкультурной философии и готовы проводить её в жизнь.

Подводя итог всему сказанному, хочется подчеркнуть, что рецензируемая книга является серьёзным вкладом в разработку актуальных философских проблем и шагом вперёд по пути продвижения к культурно многомерному философствованию. Книга написана прекрасным литературным языком на высоком научно-теоретическом уровне. Её интересно читать как специалисту, так и простому любителю философии. Она обогащает новыми знаниями и побуждает к размышлению, о чём свидетельствуют высказанные замечания и предложения.

Т.В. Панфилова

Панфилова Татьяна Васильевна – Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, 119454, проспект Вернадского, д. 76.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России.

panta@inbox.ru

Panfilova Tatiana V. – MGIMO – University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor of Philosophical Department, MGIMO – University, Moscow, Russian Federation.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–215–218

Русская философия за рубежом: история и современность / Под ред. М.А. Маслина; сост. Л.Е. Моторина. М.: КНОРУС, 2017. 448 с.

Коллективная монография, посвященная анализу иноязычных исследований в области истории русской философии, издается в нашей стране впервые. Замысел книги не стандартен, направлен на выявление и освещение различных, дополняющих друг друга аспектов зарубежного историко-философского руссиеведения. Соответственно, при раскрытии исходного

замысла в книге использованы разного рода подходы к исследованию: первый раздел посвящен теоретическому рассмотрению посвященных России зарубежных историко-философских исследований в проблемном ключе; второй охватывает анализ историографии русской философии в различных национальных традициях; третий представляет собой нечто вроде

краткого словаря по основным персоналиям, связанным с тематикой издания; четвертый по существу является хрестоматией, дающей возможность напрямую обратиться к текстам зарубежных специалистов; наконец, пятый вполне подпадает под рубрику «философские мемуары».

Книга, безусловно, не только позволяет расширить имеющиеся знания о рецепции русской философии другими культурами, но и составить определенное, достаточно систематическое представление о главных тенденциях в зарубежной историографии русской философии. Подобный историко-культурный контекст позволяет, в свою очередь, взглянуть и на саму историю русской философии под необычным ракурсом, обогащает наши представления о ней.

В «Предисловии» (М.А. Маслин, Л.Е. Моторина) подчеркивается, что «зарубежные коллеги являются полноправными соавторами данной монографии» (с. 8), поскольку многие их тексты были написаны специально для публикации на русском языке. Особо отмечается значительность роли международных конференций для подготовки рецензируемой книги, а также личных контактов исследователей разных культур, диалога между ними. С российской стороны авторами выступили исследователи, профессионально изучающие различные национальные философские традиции.

В книге проводится мысль о том, что, хотя первые специальные работы по истории русской философии (на немецком, английском, французском языках) появились в 1910–1920-е гг., по существу «массовый интерес к русской философии возникает на Западе только в послевоенный период, после победы СССР в Великой Отечественной войне против фашистской Германии и особенно после запуска СССР искусственного спутника Земли. В результате специальной поддержки правительства западных стран, прежде всего США, начинаются систематические «русские исследования», касающиеся в том числе и русской философии, формируется разветвленное, имевшее развитую инфраструктуру влияющее течение общественности, ориентированное на исследование интеллектуальной истории России... Мотивом необходимости изучения России и СССР была «угроза преимуществ русских в сфере образования и культуры» (с. 11).

Значительное воздействие на состояние зарубежных русистических исследований оказал принятый американским Конгрессом закон 1958 г., в котором «интересы национальной обороны» напрямую связывались с образованием. Согласно упомянутому закону осуществлялось выделение существенных федеральных средств на изучение истории и культуры советского государства. В результате, как констатирует М.А. Маслин, возникает советология двух типов,

одна из которых главной целью имела критический анализ марксистско-ленинской теории, другая же ставила своей задачей изучение, с политической точки зрения, более частных моментов. «Советологи, по контрасту, наиболее внимательно изучали все, что могло быть оценено в качестве альтернативы марксизму и коммунизму, в том числе русскую религиозную философию» (с. 13). Сложилось на первый взгляд парадоксальное, но вполне объяснимое положение дел, при котором на Западе выходило большее число публикаций по русской религиозной философии, чем в Советском Союзе. При этом уровень советологических работ сильно варьировался, от выполненных людьми, не знавшими русского языка и особенностей развития культуры изучаемой страны, до по-настоящему глубоких исследований. В целом, как замечает М.А. Маслин, «история советологии многообразна и противоречива. Жесткие западно-центристские концепции, фиксировавшие философское противопоставление России Западу со времен холодной войны, постепенно сменились более умеренными, признающими определенную историко-культурную и теоретическую ценность русской философской мысли, ее сравнимость с западной» (с. 13).

В монографии уделяется необходимое внимание философии послеоктябрьского русского зарубежья, которая трактуется в качестве важного фактора, повлиявшего на историографию русской философии в рамках различных национальных традиций. Мы встречаем краткий анализ соответствующих произведений Бердяева, Зеньковского, Флоровского, Федотова и др. В книге обосновывается вывод, согласно которому после окончания «холодной войны» тональность многих зарубежных исследований русской философии меняется: положительные оценки религиозной мысли нередко уступают место критическим, в ней зачастую видят неоправданное «антизападничество содержание». В общем же работы, написанные в русле идеологического противостояния, на рубеже веков теряют свою актуальность, их в большинстве своем заменяют тексты узкопрофессиональной направленности.

В главе, посвященной англо-американской историографии русской философии (В.В. Ванчугов), весьма красочно дается ответ на характерный вопрос: кто и как сегодня формирует на Западе образ русской философии? При этом значительное место уделено пьесе Стоппарда «Берег утопии» (2002) и сопутствующим ее появлению обстоятельствам. Кроме того, затрагиваются сочинения таких авторов, как Дж. Юнг, Э. Клоус, Р. Бёрд и др. В.В. Ванчугов заключает, что современные западные специалисты стремятся проследить за всеми изменениями на постсоветском «интеллектуальном ландшафте», отражая их своеобразным способом в своих

многочисленных публикациях. Он также делает вывод о том, что «русская идея», в прежние годы рассматривавшаяся как религиозная философия, в современном американском россиеведении все больше приобретает сугубо политические черты.

В главе, посвященной германской историографии (Ю.Б. Мелих), характеризуются философские обстоятельства, связанные с первой волной русской эмиграции, анализируются работы Г. Веттера, В. Гёрдта и других авторов. Ю.Б. Мелих подробно останавливается на образах выдающихся русских философов в немецкой специализированной литературе, на ряде аспектов деятельности германских исследовательских центров и осуществляемых ими проектов. Автор фокусирует внимание читателя на немаловажной тенденции последнего времени: «как видим, в проблемном поле философского россиеведения в Германии происходят изменения: усиливается внимание к политическим и правовым вопросам, а также к проблеме языка. Однако все более ощущается неостребованность изучения русского и других славянских языков из-за вероятно возросшего потока эмигрантов из Восточной Европы в Германию... Постепенно присутствие русской философии перемещается из немецкого академического пространства в исследовательское пространство русскоязычного населения Германии и исследователей из России. Если в конце XX в. участники из России, судя по издаваемым сборникам докладов конференций, были в меньшинстве, то в настоящее время в проводимых в Германии конференциях, днях и чтениях, посвященных русской философии, принимают участие преимущественно эмигранты и аспиранты-россияне, получившие исследовательские гранты в Германии» (с. 89).

Глава, раскрывающая основные особенности французской историографии русской философии (А.П. Козырев), включает в себе краткие, весьма содержательные характеристики трудов отдельных исследователей, равно как и сжатые оценки деятельности ряда организаций. Автор подчеркивает роль в изучении русской философии Института славянских исследований, Свято-Сергиевского богословского института, университета Бордо-Монтень, университета Лион-3, Лозаннского университета, журнала «Символ», парижского семинара общества Вл. Соловьева. А.П. Козырев, сам неоднократно выступавший с докладами в рамках упомянутого парижского семинара, отмечает участие в нем известных историков, филологов, философов, подчеркивая, что «каждый раз семинар оставлял впечатление неподдельного общения искренних любителей русской философии» (с. 140). Он же констатирует, что на сегодняшний день «во Франции исследования русской философии происходят главным образом на кафедрах славистики» (с. 134).

Итальянская историография (О.И. Кусенко) характеризуется в монографии как подразделяющаяся на два направления, университетское и теологическое. Характерно, что среди главных проблем современных итальянских исследований русской философии О.И. Кусенко отмечает следующие: предубеждение, свойственное многим светским ученым относительно бессистемности русской мысли; отсутствие контакта между специалистами, их изолированность по отношению друг к другу; компилятивность ряда публикаций, делаемый в них акцент на вторичности.

Глава о судьбах русской философии в культуре стран Восточной Европы (Л.Е. Моторина, С.А. Нижников) затрагивает темы, связанные с изучением наследия Вл. Соловьева, Достоевского, Бердяева, Флоровского, Флоренского, Лосского и др. Авторы характеризуют недавние публикации и конференции, прошедшие в Болгарии, Польше, Чехии. С наибольшей обстоятельностью в главе проанализированы работы словацких исследователей. Рассмотрены посвященные классикам русской философии статьи М. Моравчиковой, Я. Шафина, Ф. Каутмана, Е. Греговой и др. Авторы констатируют усиление интереса к наследию русских философов в академической среде восточноевропейских стран.

Исследования по истории русской философии в Китае служат поводом для вывода (В.В. Ванчугов) об их большей близости «к российской, но не к западной исследовательской модели». Упомянутая близость усматривается в том, что профессионально изучают русскую мысль в Китае именно философы, а не историки и филологи. Кроме того, автором главы специально подчеркивается, что в китайской традиции отсутствуют черты, связанные с прошлым идеологическим противостоянием, а потому исследователи свободны от стереотипов, нередко встречавшихся в текстах их западных коллег. В главе обозначены ведущие центры по изучению русской философии, равно как и журналы, в которых публикуются наиболее значимые результаты, констатируется, что современный Китай фактически превратился в один «из мировых центров русских исследований».

Рецензируемая монография открывает доступ академическому сообществу и любому заинтересованному читателю к обилию фактов, сведений справочного характера, статьям и теоретическим суждениям зарубежных исследователей, в нашей стране до сих пор известным лишь небольшому кругу признанных знатоков вопроса. Новизна и своевременность книги несомненна. Вместе с тем, первый опыт издания такого рода, как часто бывает в подобных случаях, отличается некоторой неполнотой, неравномерностью в освещении ряда вопросов. В частности, среди историографических обзоров, напи-

санных российскими авторами, нет раздела, посвященного Сербии, а рубрики, связанные с исследовательскими традициями в Польше, Болгарии, Чехии совсем уж маленькие по объему, затрагивают лишь небольшой пласт проблем. Не находим мы сведений, к примеру, о публикациях, связанных с русской философской культурой в скандинавских странах. Мы вправе ожидать от авторов продолжения исследований в направлении расширения географии осуществляемых ими обзоров, увеличения числа анализируемых статей и монографий зарубежных коллег. Кроме того, в ближайшем будущем представляется важной задачей продолжение систематической работы по переводу новых публикаций иностранных специалистов на русский язык. Конечно, расширение круга исследовательских задач потребует привлечение новых участников, новых проектов, публикаций и конференций. Рецензируемая монография намечает именно такого рода перспективу.

Мизерный тираж книги, также, как и гриф («не для продажи») не позволяет интересующемуся читателю рассчитывать на ее приобретение в магазинах. Все сказанное заставляет

задуматься о необходимости осуществления очередного, расширенного ее издания, которое послужило бы поводом к дальнейшему росту исследовательского интереса к одному из существенных аспектов истории русской философии.

А.А. Кротов

Кротов Артем Александрович – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

Доктор философских наук, доцент, профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

krotov@philos.msu.ru

Krotov Artem A. – Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5-218-221